

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ ВИЗАНТИИ В XII В.: ИМПЕРИЯ «ПОЧТЕННЫХ» НОБИЛЕЙ ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИКИ

Аннотация: Византийские моливдовулы XII столетия показывают, что система государственного управления империи претерпевает серьезную реформу. Причем это коснулось не только администраций провинций, но и органов центральной власти. В провинциях в основном сохраняются представители первой категории рангов – дуки, которых позже меняют преторы. Чиновники второй категории рангов в имперской практике становятся достаточно большой редкостью. В это время практически исчезают печати представителей ведомств главного логотета или ἐπί τῶν οἰκειακῶν, равно как и многих других имперских служб. Сохраняются лишь некоторые отдельные посты (анаграфевсы, редко – судьи). В то же время печати рассматриваемого периода представляют многочисленную группу лиц, на печатях которых не содержится никакой информации об их служебных обязанностях. Как можно судить по моливдовулам этой категории, государством в это время управляют многочисленные севасты, куропалаты и новеллссимы, как из родственных или приближенных к царствующей фамилии аристократических родов (Комнины, Дуки, Ангелы и др.), так и достаточно малоизвестные, судя по их родовым именам, происходящие из провинций (Амастриды, Каппадоки и др.). Судя по всему, в империи продолжает существовать некая бюрократическая форма, но, видимо, уже не традиционного централизованного управления, а больше ориентированная на имперский нобилитет и провинциальную элиту. В этой связи, исчезновение около рубежа XI–XII вв. печатей представителей провинциальной администрации в большинстве регионов Византии (в том числе и в Таврике), по всей видимости, совсем не означает отсутствие имперской государственной власти на местах. Очевидно в византийском управлении главную роль в стратегических, административных и экономических сферах, в том числе финансовом контроле и фиске, стали играть приближенные василевсов, высокопоставленные придворные столицы и аристократы из регионов.

Ключевые слова: история Византии, центральная и провинциальная администрации, сфрагистика, печати, моливдовулы.

В последнее время вопрос о существовании византийской власти в Таврике в постфемный период оказался в зоне наиболее пристального внимания современных исследователей [см.: 13; 14; 19; 18; 53]. Недостаточность источниковой базы породи-

ла ожесточенные споры и дискуссии, в том числе и о самой структуре имперской администрации. Однако В. П. Степаненко не случайно напомнил, что эти вопросы и раньше волновали многих исследователей, а проблема структуры византийского пограничья была даже специально вынесена на один из византийских Конгрессов [14, с. 112]. В своей статье, посвященной византийской Таврике в постфемный период, В. П. Степаненко, ссылаясь на свидетельства Никиты Хониата, отметил, что «рудименты фемной организации, по крайней мере в пограничье, сохранились до 70-х гг. XII в.», а также высказал предположение, что реформация управления привела к появлению в регионах частных администраций и, соответственно, постепенному захвату последними государственных функций на местах [13, с. 714].

К сожалению, информация по этой проблеме отсутствует в источниках. Реальное положение дел в империи на тот период отражают сохранившиеся памятники сфрагистики. Однако в Таврике найдено всего лишь несколько моливдовулов XII столетия, представляющих только высокопоставленных имперских сановников, но не администраторов. Поэтому сложно говорить об определенных имперских административных институтах.

Хорошо известны моливдовулы севастов Михаила Синадина [20, с. 181–182; 49, р. 179, nr. 14; 52, S. 702, Nr. 2853], Константина Ксира [6, с. 296–298; 26, р. 95, note 37; 27, р. 27, note 75; 52, S. 70, 71, Nr. 1547] и частная печать Феодора Агиостефанитиса [1, с. 418, 424, № 1, рис. 1], датировки которых в пределах XII столетия достаточно условны, в силу того, что мы не располагаем точными сведениями о данных персонажах. Исключением, пожалуй, могут являться лишь найденный в Херсонесе моливдовул деспота и паниперсеваста Алексея Враны Комнина, который был известным византийским военачальником и родственником императора [5, с. 539–542], найденная около крепости Ени-Кале булла со стихотворной «вычурной», по выражению Н. П. Лихачева, легендой [12, с. 118, 119, № 13 (M-8219), табл. LXIV, 13; 16, с. 367–369, № 5, рис. 5], владельцем которой был известный по письменным источникам Иоанн Ангел (чаще называемый Дукой), сын деспота Константина Ангела и дочери импе-

Рис. 1. Моливдовул севаста Теогноста Тессараконтапиха из Херсонеса (XII в.)

ратора Алексея I Комнина Феодоры, а также печать из Партенита, принадлежавшая Иоанну Контостефану-Комнину [21 с. 253–267].

В данную группу следует включить ранее не публиковавшуюся печать византийского вельможи севаста Феогноста из рода Тессараконтапихов («в сорок локтей») (рис. 1).

AKh-77. Музей Шереметьевых (Киев)¹.

Диаметр – 34 мм; толщина пластинки – ок. 3,2 мм.

Сохранность: на оборотной стороне по центру шестой строки утрата поля по линии канала; незначительные разрывы металла на концах катала; частично коррозирована; светло-коричневая патина.

Происхождение: найдена в акватории Северного района Херсонеса (1995 г.)

Не издана (упомянута как хранящаяся в коллекции Самойленко (Севастополь) в Корпусе печатей с метрическими легендами А.-К. Василиу-Зайбт [51, S. 393 Nr. 872]).

Аверс. Погрудное изображение Богоматери Епискепис в ободке из слившихся в линию жемчужин; на груди Богородицы изображение образа младенца Христа в медальоне. По сторонам титлы: слева – $\overline{\text{ΠΡ}}$; справа – $\overline{\Theta\text{V}}$ – Μήτηρ Θεοῦ .

Реверс. Семистрочная надпись, заключенная в ободок из слившихся в линию жемчужин:

+	$\Theta\epsilon\acute{o}\gamma\nu\omega$
$\Theta\epsilon\omicron\Gamma\text{N}\omega$	στον $\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\nu[\epsilon]$
$\Upsilon\text{O}\text{N}\Gamma\text{A}\text{N}\text{A}\Gamma\text{N}.$	σεβαστὸν σκέ
$\Sigma\epsilon\rho\alpha\Upsilon\text{O}\text{N}\Sigma\kappa\epsilon$	ποις Τεσσα
$\text{Π}\text{O}\text{I}\Sigma\Upsilon\epsilon\text{C}\Sigma\text{A}$	ρακονταπ[η]
$\text{P}\text{A}\text{K}\text{O}\text{N}\text{T}\text{A}\text{Π}.$	χυν ἐ[κ] $\acute{\alpha}$ [σ(ης)]
$\chi\text{V}\text{N}\epsilon.\text{Π}\text{A}.$	βλάβη[ς]
$\text{P}\text{A}\text{B}\text{H}.$	

$\Theta\epsilon\acute{o}\gamma\nu\omega$ στον $\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\nu\epsilon$ σεβαστὸν σκέλοις Τεσσαρακονταπληχυν ἐκ πάσης βλάβης –
Пресвятая (Богородица), защити всегда севаста Феогноста из рода Тессараконтапихов.

Аналогичный экземпляр известен в собрании печатей французского института византийских исследований (IFEB 913) [51, S. 393, 394, Nr. 872].

Стилистические особенности печати и использование специфического шрифта с применением лигатур и характерных начертаний отдельных литер свидетельствуют о том, что данный памятник относится ко времени не ранее XII столетия. А.-К. Василиу-Зайбт французский экземпляр относит ко второй – третьей четверти XII в. [51, S. 393].

Семейство Тессараконтапихов А. П. Каждан относит к третьему разряду византийской знати, представители которой на рубеже XII–XIII вв. принадлежали к военной аристократии и, как правило, были известны как протоновеллисиμοипертаты [9, с. 115].

В то же время немногочисленные представители фамилии известны и по памятникам сфрагистики, и по письменным источникам. Так, современником вышеу-

¹ Автор благодарит А. Шереметьева за предоставленную возможность публикации моливдовула.

помянутого Теогноста был Иоанн Тессараконтапих, известный по личной печати из коллекции К. Оргидана [37, р. 236, nr. 470], а в Актах Афонского монастыря Лавра в мае – июне 1196 г. отмечен Константин Тессараконтапих, который в документе представлен как достославный (пансеват) севаст и ἐλί τῶν οἰκεῖακῶν [22, р. 353₉₅].

Рассмотренная выше печать из Херсона также лишь принадлежала византийскому высокопоставленному сановнику не облеченного какими-либо административными обязанностями.

Практическое отсутствие официальных печатей византийской администрации в Таврике начиная с конца XI в. позволило К. Цукерману прийти к заключению, что в последней трети XI столетия здесь наступает политический кризис и, как следствие, происходит исчезновение византийской административной власти в Крыму и на Тамани [54, с. 311–329]. В то же время, по мнению оппонентов французского исследователя, имперская власть все-таки сохраняется, но претерпевает очередную трансформацию, приспосабливаясь к специфическим особенностям региона. С точки зрения В. Н. Чхаидзе, аристократическая корреспонденция в регионы, свидетельством чего являются находки моливдовулов византийских высокопоставленных вельмож, могла поступать в частные родовые владения имперских придворных [19, с. 18, 19], которые в новых условиях могли управлять вверенными им территориями. Напомним, что и В. П. Степаненко полагает, что появление частных администраций привело к постепенному захвату последними всех государственных функций на местах [13, с. 714].

К сожалению, как было отмечено выше, для решения этой проблемы источниковая база слишком мала, так что принять ту или иную сторону в дискуссии достаточно сложно. Каждая из позиций требует убедительной аргументации. Однако все-таки попробуем привлечь данные византийской сфрагистики из других провинций, а также центра, и попытаемся определить, какова была общая тенденция в административном управлении в рассматриваемый период.

В первую очередь следует отметить, что кризис фемного строя второй половины XI в. и резкое сокращение подвластной Византии территории ко времени правления Алексея I Комнина (1081–1118), а также начавшаяся эра крестовых походов, судя по всему, привели к существенному изменению системы государственного управления во всей Византийской империи. В Малой Азии и на Ближнем Востоке утвердились сельджуки (Иконийский султанат) и появились малые государства крестоносцев: Иерусалимское королевство (1099–1291), Антиохийское княжество (1098–1268), графства Эдессы (1098–1144) и Триполи (1109–1289). Империя сохранила лишь западные владения, ранее принадлежавшие имперским военно-административным областям (фемам и катепанатам-дукатам) Фракии, Македонии, Стримону, Фессалонике, Диррахию, Никополису, Пелопоннесу и Элладе с островами Эгейского моря, Критом и Кипром. К этому времени итальянский катепанат был уже утрачен (на юге Италии обосновались норманны). Не ясно, оставались ли и Ионические острова византийскими (фема Кефалония) или тоже перешли под власть Сицилийского королевства (сфрагистика на этот счет пока безмолвствует).

В то же время, в соответствии с данными источников (в особенности это известный пассаж из Страворомана о керченской нефти [31, р. 190, 191]), к территориям византийских интересов и влияния причисляется регион Керченского пролива. Определенным подтверждением тому являются находимые здесь – в Крыму (Херсон, Сугдея) и на Тамани печати византийских сановников второй половины XI в. Нет необходимости вступать в дискуссию с К. Цукерманом относительно исчезновения византийских институтов власти в Крыму и на Тамани во второй половине XI в. [54, с. 326–329; 18, с. 242], поскольку в наши задачи входит исследование вопросов имперского администрирования в следующее столетие. В своей работе французский ученый отмечает малочисленность доказательств византийского присутствия в регионе в XII в. Ссылаясь на данные византийских привилегий для западных торговцев (1167 и 1192 гг.), по которым их кораблям позволялось плавать во всех регионах империи, за исключением Рóсии (Керчи) и Матрахи, исследователь подразумевает, что последние принадлежат империи, но все же задается вопросом, какую форму контроля фактически осуществляла Византия вдоль своего северного и восточного побережий на Черном море, оставляя его решение за будущим [54, с. 328].

Таким образом, судить о сложившейся к рубежу XI–XII вв. и существовавшей в XII столетии византийской административной системе не только на северных рубежах Империи, но, очевидно, и во всем государстве мы можем только из анализа памятников сфрагистики. Благодаря многочисленным буллам византийских чиновников многие стороны сложной бюрократической имперской машины сегодня не только известны, но и во многом понятны.

Несмотря на разразившийся кризис фемного строя во второй половине XI в. на многих территориях империи еще продолжали существовать разнообразные чиновники, в известной степени иллюстрирующие сохранение в империи развитого государственного уклада. Об этом, красноречиво свидетельствуют известные печати представителей различных управлений центральной власти и функционеров провинциальных администраций. Однако к 1080–1090-м гг. бюрократический аппарат империи, похоже, в значительной степени сокращается, и теперь лишь для отдельных территорий можно назвать чиновников с сохранившимися государственными функциями. В качестве примеров приведем датированные печати этого времени – магистра Христофора Копсина (1089), великого хартулярия и анаграфевса Коса или монаха Георгия Ксира (1090–1094), панипертима, дьяконофилакса и анаграфевса Волерона, Стримона и Фессалоники [42, р. 99, 100, нр. 103, 104].

Но все-таки моливдовулы конца XI в. в большинстве своем представляют исключительно чиновников первой категории рангов – военных администраторов и губернаторов провинций, таких как дука Диррахия (ок. 1081 г.), куропалат Георгий Палеолог [40, р. 41, нр. 12.2]; дука Милитины (конец XI в. – до 1101 г.), протонovelлссим Гавриил [41, р. 104, нр. 108]; дука Пафлагонии (1080–1085), новеллссим Феодор Комнин; претор объединенной фемы Волерона, Стримона и Фессалоники (1080–1090), куропалат Иоанн Радин; претор Фракии и Македонии (1096/1097), но-

велиссим Николай Мерментопул [25, р. 139, 171, 181, нр. 117, 149, 159]; дука Болгар (около 1096 г.), протопроедр Никита Карикис [40, S. 242, Nr. 250], и этот ряд еще можно продолжить. На рубеже XI–XII вв. члены клана Комнинов – севаст Алексей и сын севастократора Иоанн поочередно занимают пост дуки Диррахия [40, р. 40, нр. 12.1, 12.3] и, вероятно, последний, позже, получив титул севаста, становится дукой Скопии [40, р. 98, нр. 30.1]. Очевидно, в дальнейшем должность дуки уступает место *преторам* провинций. Здесь мы можем назвать печати преторов Пелопоннеса и Элады куропалатов Михаила и Григория Каматира [41, р. 37, 39, нр. 8.33, 8.39]. Причем последний на одном из своих моливдовулов представлен уже как протопретор [48, S. 176, Nr. 101]. Напомним, что еще с конца X в. термин *претор* зачастую использовался в качестве синонима крити (судье) и, как правило, обозначал гражданского администратора провинции [43, р. 1710]. Упомянутый в письменных источниках Евматий Филокал [39, р. 86], совместил на своей печати два поста: великий дука и претор Элады и Пелопоннеса (около 1118 г.) [41, р. 68, нр. 22.15]. В то же время следует отметить, что, как некое исключение из правил, буллу первой половины XII в. Никиты Даватина, магистра и катепана [25, р. 103, нр. 85], и печать Иосифа Вальсамона, дуки Фив и Эврипоса, датирующаяся временем около середины XII в., [49, S. 245, Nr. 252]. Обе, бесспорно, принадлежали высокопоставленным функционерам.

На первый взгляд, несмотря на сократившуюся территорию империя продолжает прежнюю бюрократическую политику и традиционное развитие административной инфраструктуры. Однако, судя по памятникам сфрагистики XII столетия, можно констатировать сохранение лишь отдельных чиновничьих постов. Собственники печатей в большинстве своем перестают указывать на принадлежность к тем или иным государственным институтам власти, которых, конечно, не могло не существовать и в этот период в развитом бюрократическом обществе Византийской империи.

Тенденция реорганизации имперской административной системы прослеживается не только на местах, но и в центральном государственном аппарате. В посвященном византийской администрации томе Корпуса византийских печатей В. Лорана, насчитывается около сорока имперских функционеров исключительно XII в., представлявших далеко не все столичные управления. Так, имперскую канцелярию представляли ритор, асикрит Николай Катафлор [38, р. 49, 50, нр. 115], мистики Евстафий Синопит и Николай Фарангапул [38, р. 56, 57, нр. 125, 126], мистолект Евставий и хранители императорской чернильницы Михаил Агиофеодорит (новые экземпляры его булл теперь происходят и из находок в Болгарии [35, р. 270, 279, нр. 738, 762]), безымянный сановник, занимавший также пост дикеодота (председатель одного из высших судов Константинополя) и Константин Месопотамит [38, р. 106–108, нр. 225–227]. В то же время уже отсутствуют еще многочисленные в XI столетии печати мистографов, нотариев, мандаторов и других представителей имперского кабинета.

Управление логофета геникона, представлено лишь двумя высшими разрядами. Среди них два логофета [38, р. 158, 159, нр. 329, 330] Иоанн Цирифон, который в феврале 1109 г. докладывал императору Алексею I Комнину о налогах в диойкисиях

Фракии и Македонии [30, S. 168, nr. 1245], и Никифор Каспакос, присутствовавший в качестве председателя гражданского жюри на синоде в июле 1173 г. [32, p. 553, 554, nr. 1126], и единственный великий хартулярый логофесии геникона Михаил Акрополит [38, p. 170, 171, nr. 353], фигурирующий в торжественном акте императора Мануила I Комнина (февраль 1148 г.), гарантирующем церкви Святой Софии и всем другим епископальным институтам полное сохранение их владений [36, p. 325; 29, p. 215, nr. 1372].

Логофесии Дрома принадлежал единственный моливдовул главы ведомства, логофета Михаила Агиофеодорита [38, p. 214, 215, nr. 353], которого мы уже упоминали выше в должности хранителя императорской чернильницы. По источникам хорошо известны еще несколько логофетов Дрома XII столетия, например, Стефан Мелес, Стефан Агиохристорит, Иоанн Каматир, Василий Каматир-Дука, Иоанн Дука и Димитрий Торник [34, p. 59–66, nr. 34–40].

Ведомство Идикона представлено двумя печатями главы секрета имперской сокровищницы (Филака) филакса Константина Кафара [38, p. 346, 347, nr. 671, 672], который был корреспондентом гераклеийского митрополита Михаила в сентябре 1161 г. [32, p. 510, nr. 1055].

Имперскому управлению – общественной приемной (Вестиариум) принадлежали два моливдовула его глав, вестиариев Стрифна и Епифания Артаваздоса [38, p. 368, 369, nr. 712, 713], а бюро сакеллария – булла неизвестного по имени великого сакеллария, носившего высокий титул протоновеллисима [38, p. 409, 410, nr. 783].

Более многочисленны печати служащих различных судебных инстанций. Среди них можно назвать печати известного судьи Алексея Аристина [38, p. 409, 410, nr. 783], в ходе своей карьеры занимавшего и церковные (номофилакс [38, p. 484, 485, nr. 912, 913], орфанотроф, великий эконо, ипертим), и светские (дикеодот) должности [10, с. 189, 190; 29, p. 84, 85, note 36, 37; 33, p. 213], дикаифилаксов Михаила Акрополита, уже названного выше в должности великого хартулярия Геникона (известного еще и как парафаласита – начальника столичного порта [38, p. 629, 630, nr. 1133]) и Михаила Аплухейра (известного и в должности епарха столицы [38, p. 573, nr. 1040]), дикеодотов Феодора Пантехниса и Никифора Тривлаттита [38, p. 477–480, nr. 903–906; новый экземпляр из коллекции Г. Закоса см.: 25, p. 50, nr. 32].

Немногочисленны и моливдовулы военных ведомств империи. Великий доместикат представляют лишь буллы великого доместика всего Востока и Запада Иоанна Аксуха (Ахouch) и великого доместика Запада Алексея Гида [38, p. 506–509, nr. 941–944]. Владельцы двух булл в легендах указывают на свое отношение к служебному аппарату великого доместика. Это печати Космы, назвавшего себя «величайшим служителем» последнего, и севаста Василия, к сожалению, с неполной легендой [38, p. 506–509, nr. 941–944], но показывающей принадлежность владельца к аппарату великого доместика.

Известны только две печати командующих флота, великих дук протосеваста Иоанна Комнина и Михаила (Стрифна) [38, p. 529–531, nr. 973, 974].

Этим списком практически и исчерпываются представители столичной администрации XII в. Как видим, уже нет булл прежних столбюстителей из многочисленных столичных служб и ведомств, еще существовавших во второй половине XI столетия. Лишь в редких случаях можно назвать отдельных представителей столичной бюрократии, печати которых в основном датируются серединой – второй половиной XII в. Так, например, внук упоминавшегося выше великого дуки и претора Эллады и Пелопоннеса (около 1118 г.), носивший имя своего деда и сохранивший в своей титулатуре память о нем (σεβαστοπάλλου), Евматий Филокал на печати второй половины XII в. предстает в качестве грамматика (секретаря) [38, р. 667, nr. 1192], должности достаточно скромной. Однако печать хранит память о его знаменитом предке.

В дополнение к сведениям Корпуса печатей византийской администрации можно добавить моливдовулы известного по источникам логофета Дрома Иоанна Каматира [25, с. 77, 78, nr. 58] и нескольких дворцовых титулярных сановников, протонотария Варды [25, р. 94, nr. 76], симпона и носокома (субординанта эпарха столицы и куратора больниц) Стефана [28, с. 160, nr. 2.116] или пинкерна (виночерпия императора) Димитрия [25, с. 88, nr. 70] и некоторых других.

Мы не называли немногочисленные печати персонажей, датировки которых охватывают XI–XII вв. Отнесение большинства персонажей к тому или иному столетию достаточно проблематично.

Аналогичную картину отображают и моливдовулы из византийских провинций. Анализ памятников сфрагистики XII в. показывает, что практически повсеместно (не только в Таврике!) исчезают многочисленные печати представителей самых разнообразных ведомств империи, и их место занимают буллы высокопоставленных византийских сановников, большинство из которых являлись выходцами из известных (или не очень) аристократических родов империи, нередко непосредственно связанных с царствующим домом.

Судя по изданным моливдовулам, чиновники второй категории рангов (субординанты наместников провинций и руководителей бюро и секретов) в имперской практике становятся достаточно большой редкостью. С началом XII столетия практически исчезают печати представителей ведомств главного логофета или ἐλί τῶν οἰκειακῶν, равно как и многих других имперских служб.

Не исключено, что столичными службами стали руководить представители клана Комнинов и других важных аристократических семейств, которым, надо полагать, было достаточно упоминания на печатях их высоких придворных рангов и принадлежности к царской фамилии. К сожалению, печати не дают ответа на этот вопрос. Вероятно, многие функции финансового контроля и государственного фиска могли перейти к правителям провинций. Впрочем отдельные моливдовулы исследователи датируют и началом XII в. Среди них буллы Никиты Анзы, хартулярия Запада [40, р. 5, nr. 1.8], и вестарха Михаила Антипапаса, проноита Афин [48, S. 77,

78, № 22]. *Пронит* являлся гражданским администратором региона, на которого возлагалась *прония* имперских поместий [43, p. 1733].

Видимо, вопросы государственного контроля, в особенности соблюдения имперского земельного законодательства, дольше других находились под специальным надзором византийских чиновников. На рубеже XI–XII вв. найдены почти исключительно печати гражданских провинциальных чиновников *анаграфевсов*, в чьи основные функции входила инспекция имперского земельного кадастра [43, p. 84; ср. 11, с. 300–303]. К примеру, среди них моливдовулы куропалата Никифора Декана, анаграфевса Ниша, и протопроедра Льва Никерита, анаграфевса Пелопоннеса [40, p. 100, nr. 32.1; 41, p. 63, nr. 22.2]. Следует отметить, что по печатям анаграфевсы или *анографевсы*, как они стали называться с середины XII в., прослеживаются вплоть до первой половины XIV в. [42, p. 130, 136, nr. 139, 146].

Достаточно редки среди памятников сфрагистики рубежа XI–XII вв. печати региональных судей. В известных мировых собраниях нам удалось разыскать лишь моливдовулы Василия Эротика, судьи Эллады и Пелопоннеса [48, p. 153. № 84], неизвестного по имени судьи македонцев [40, p. 116, nr. 43.15] и веста Михаила Спанополоса, судьи Эгеиона (т.е. Эгейских островов) [41, p. 117, nr. 40.16]. Судья Никифор Сервлиас известен по печати первой половины XII столетия из собрания Афинского нумизматического музея [48, S. 350, Nr. 231], а судья и квестор <Василий> Пекулис представлен на булле XII в. из Болгарии [35, p. 344, nr. 934]. Но в малочисленности булл судей, по-видимому, нет ничего необычного. Это, очевидно, связано с тем, что анаграфевсы часто совмещали свои обязанности с судебными и, очевидно, необходимость содержания двух чиновников таким образом отпадала.

На этом практически исчерпываются данные о чиновничьих постах, бытовавших в имперской бюрократической практике на протяжении XII в. Возможно, публикации еще не изданных коллекций и новые находки со временем дополнят и расширят этот список. Тем не менее, общая тенденция в определенном сокращении византийского бюрократического аппарата в XII столетии очевидна.

Нельзя забывать, что в памятниках сфрагистики рассматриваемого периода представлен еще один достаточно многочисленный пласт персонажей, обладавших собственными печатями, не содержащими никакой информации о служебных обязанностях владельцев. Как правило, исследователи называют их буллами для личной корреспонденции или частными печатями. Вероятно, часть из них таковыми и являются. Однако другие, могли отражать некие деловые связи высокопоставленных придворных сановников с представителями аппарата власти на местах.

Судя по моливдовулам, страной в это время управляли многочисленные севасты, куропалаты и новелиссимы, как из родственных или приближенных к царствующей фамилии аристократических родов (Комнины, Дуки, Ангелы Палеологи, Алиалты, Каматиры, Вриени, Деканы, Маниаки и др.), так и достаточно малоизвестные, судя по их родовым именам, происходящие из провинций (Феодосиополит, Смирнайос, Васпараканитис, Амастрид, Каппадок и др.).

Просопографические исследования византийской аристократии показывают, что многие из представителей знатных фамилий нередко занимали значительные посты в управлении государством. Однако их государственный статус далеко не всегда отражен на их печатях. Многие из сановников ограничиваются лишь упоминанием родов, выходцами из которых они являются. Не исключено, что в XII столетии произошла переоценка приоритетов, когда указание на важный государственный пост уходит на второе место, а первое занимает принадлежность к аристократическому роду. Очевидно, престижным становится даже само упоминание на печати принадлежности к знатному семейству или родственнику. Среди таких булл можно, например, назвать печать начала XII в., принадлежавшую Константину, сыну протонovelлссима Татикия [28, р. 469, nr. 5.141], или буллу севастократора Алексея Ангела конца XII в. [46, S. 85, nr. 35]. И даже хорошо известный великий дука Михаил Стрифон, имевший титулы севаста и протонovelлссимоипертата [53, р. 1560, 1561, nr. 2748, 2748 bis], еще на одной из своих булл (1195–1203 гг.) кроме чина великого дуки указывает, что он муж Феодоры, сестры императрицы [42, р. 119, 120, nr. 126].

Рассмотренные нами византийские моливдовулы XII столетия показывают, что систему государственного управления серьезно реформировали практически на всей территории империи. Причем это коснулось не только администраций провинций, но и органов центральной власти. Печати, конечно, не могут назвать причин изъятия из легенд наименований служебных постов их владельцев. Отдельные посты все-таки сохраняются и, судя по всему, в империи продолжает существовать некая бюрократическая форма управления, однако уже не традиционного централизованного, а больше ориентированная на имперский нобилитет. Хочется надеяться, что понимание этой необычной структуры со временем придет из сопоставления данных письменных и сфрагистических источников, которые нередко дополняют друг друга.

Возможно, это принесет свои плоды и в разгоревшейся дискуссии по византийской администрации в Таврике и на Тамани. Доводы К. Цукермана о закате византийской администрации на северных границах империи к концу XI в. не лишены определенной аргументации. В то же время, необходимо привести несколько замечаний.

Во-первых, трудно согласиться с заключением исследователя, «что преемник не поладившему с жителями Херсона катепану назначен не был» [18, с. 242]. Данное утверждение предусматривает, что печать катепана Никифора Алана должна предшествовать или быть синхронной событиям, связанным со смертью князя Ростислава, т.е. должна относиться ко времени между 1059–1067 гг. Однако никаких критериев для такой датировки нет, как, впрочем, и отнесения моливдовулов сугдйских стратигов к 70–80-м гг. XI в. [18, с. 242]. Напомним, что мы предложили отнести печать херсонского катепана к 1060–1090-м гг. [2, с. 9], когда еще не было известно про печать Олега-Михаила, дуки Матрахи и Хазарии [23, р. 29; 24, р. 97–104]. С такой датировкой практически согласился В. Зайбт, сузив ее до 1060–1080-х гг., уже с учетом находки новой печати Олега-Михаила [47, р. 192]. На наш взгляд,

нет никаких оснований связывать Никифора Алана со смертью русского князя. Стилистические и эпиграфические особенности печати сближают ее с аналогичными памятниками самого конца XI в. [подробнее см.: 2, с. 9], так что датировка печати катепана может быть ограничена и началом третьей четверти XI в. (т.е. 1075–1083 гг.). Что же касается фемы Сугдея, то, по мнению В. И. Булгаковой, она существовала в первой половине XI столетия [7, с. 314], а Е. В. Степанова сначала называла широкую дату – XI в. [15, с. 105, 106], но в дальнейшем ограничивает время ее существования 1015–1059 гг. [17, с. 304]. Как известно, Сугдея в 1059 г. уже входила в фему Херсона. В этой связи мы предположили, что она вместе с землями Восточного Крыма также вошла состав херсонского катепаната [3, с. 425]. Думается, что не следует забывать и о моливдовулах стратига Боспора Аркадия [44, р. 251, нр. 13; 45, р. 206, 207, нр. 16; 8, с. 87–90], наличие которых, вне всякого сомнения, наряду с находками булл высокопоставленных представителей имперской знати [12, с. 108, 118, 119, №№ 15 (М-8086), 13 (М-8219), табл. LXIII, 15, LXIV, 13; 16, с. 366, 367, № 3 (М-5935), рис. 3], свидетельствуют о существовании византийской власти в регионе не только в последней четверти X – начале XI в., но, вероятно, и в XII столетии [4, с. 234, 235]. Так что, в отличие от предложенной К. Цукерманом схемы существования византийской администрации в Крыму и на Тамани [18, с. 241, 242], мы ее видим несколько иначе:

- 1) ок. 941 – ок. 1059 гг. – византийская фема Херсона;
- 2) ок. 971–975 гг. – начало XI в. – византийская фема Боспора;
- 3) 1015 – ок. 1059 гг. – византийская фема Сугдеи;
- 4) ок. 1059 – начало / середина 1060-х гг. – византийская фема Херсона и Сугдеи;
- 5) ок. 1066–1083 гг. – византийский катепанат Херсона и Хазарии;
- 6) 1083 г. – XII в. – провинциальная (?) администрация Херсона;
- 7) 1083–1094 гг. – византийский дукат и архонтат Матрахи и всей Хазарии;
- 8) 1094 г. – русский архонтат Матрахи, Зихии и всей Хазарии.

Очевидно, еще рано однозначно утверждать о закате эры византийской власти на ее северных рубежах в конце XI столетия. Исчезновение в последней четверти XI в. печатей представителей византийской администрации как в Таврике, так и в других местах, по всей видимости, совсем не означает полное отсутствие имперской административной власти на местах. Скорее всего, в византийском управлении главную роль во всех сферах жизнедеятельности провинций, стали играть представители имперского нобилитета – высокопоставленные придворные столицы и местные аристократы. Однако разобраться в этой структуре управления и понять ее специфику и особенности, безусловно, еще предстоит в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевко Н.А. Печати представителей византийской аристократии в Таврике: новые персонажи // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 417–424.
2. Алексеевко Н.А., Цепков Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. Севастополь, 2012. Вып. XVII. С. 7–17.
3. Алексеевко Н.А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. Севастополь, 2017.
4. Алексеевко Н.А. Исследователи XIX–XX вв. и зарождение крымской сфрагистики: к вопросу о византийской администрации на Боспоре // БИ. 2017. Вып. XXXV. С. 229–239.
5. Алексеевко Н.А. Печать паниперсеваста Алексея Враны-Комнина из византийского Херсона // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 537–546.
6. Банк А.В. Вислая свинцовая печать XI–XII вв. // МИА. 1953. № 34. С. 296–299.
7. Булгакова В.А. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Судакский сборник. Киев; Судак, 2008. Т. III. С. 296–330.
8. Йорданов И. Печатите на Аркадий стратег на Боспора (X–XI в.) из Преслава // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава 28 мая – 1 июня 2018 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеевко. Севастополь, Симферополь, 2018. С. 87–90.
9. Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса в Византии XI–XII вв. М., 1974.
10. Красножен М. Комментарий Алексея Аристина на канонический Синописис // ВВ. 1913. Т. XX. Вып. 1. С. 189–207.
11. Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
12. Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока // Научное наследие. М.: Наука, 1991. Т. 19. 360 с.
13. Степаненко В.П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII вв.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 713–720.
14. Степаненко В.П. К структуре византийского пограничья в Крыму // Проблемы истории и археологии Средневекового Крыма. Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина (Симферополь, 10–11 января 2019 г.). Симферополь, 2019. С. 111–112.
15. Степанова Е.В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 97–108.
16. Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 364–374.
17. Степанова Е.В., Фарбей А.М. Византийские свинцовые печати, найденные в Судак в 2005 году // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев; Судак. 2006. Т. II. С. 303–306.
18. Цукерман К. Закат византийской власти в Крыму: полемический отклик // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеевко. Симферополь, 2019. С. 237–244.
19. Чхаидзе В.Н. Византийская власть на Боспоре (последняя четверть XI – начало XIII вв.) // МАИЭТ. 2018. Вып. XXIII. С. 721–730.
20. Шандровская В.С. Печати представителей рода Синадинов в Эрмитаже // ВВ. 1990. Т. 51. С. 174–182.
21. Шандровская В.С. Печать Иоанна Контостефана Комнина // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 263–267.
22. Actes de Lavra / Eds. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos. Paris, 1970. Vol. I.
23. Alforov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaia, in Oleksii Sheremetiev's Collection // International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography

- «SPHRAGISTIC MERIDIAN: КИЇВ – КОРСУНЬ/ΧΕΡΣΟΝ – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ» (Kiev, 13–16.09.2013). Program and Abstracts. Kiev, Sevastopol, 2013. P. 28–31.
24. Alf'orov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaia (in Oleksii Sheremetiev's Collection) // *Byzantine and Rus' Seals. Proceeding of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography* (Kiev, Ukraine, 13–16 Septembre 2013). Kyev, 2015. P. 97–104.
  25. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-CL. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. Genève, 2016.
  26. Caseau B. Saint Mark, a family saint? The Iconography of the Xeroi Seals // "Ηπειρόνδε. Proceedings of the 10th International Symposium of Byzantine Sigilljgraphy (Ioannina, 1–3 October 2009) / Eds. Chr. Stavrakos, B. Papadopoulou. Ioannina, 2011. P. 81–110.
  27. Cheynet J.-Cl. Les Xéroi, administrateurs de l'Empire // SBS. 2012. Vol. 11. P. 1–34.
  28. Cheynet J.-Cl., Gokyildirim T., Bulgurlu V. Les sceaux byzantins du Musée archaéologique d'Istanbul. Istanbul, 2012.
  29. Darrouzès J. Notice sur Grégoire Antiochos (1160 à 1196) // REB. 1962. T. XX. P. 61–92.
  30. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. München, 1995. Teil 2. Regesten von 1025–1204.
  31. Gautier P. Le dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis Ier Comnène, Manuel Straboromanos // REB. 1965. T. XXIII. P. 168–204.
  32. Grumel V. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1989. Vol. I. Les Actes des Patriarches. Fasc. II et III (705–1206).
  33. Guiland R. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantine. L'orphanotrophe // REB. 1965. T. XXIII. P. 205–221.
  34. Guiland R. Les logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantine // REB. 1971. T. XXIX. P. 5–115.
  35. Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2009. Vol. III.
  36. Lampros Sp. Ὁ Ἰατὴρ τοῦ Μανουὴλ Κομνηνοῦ διορθούμενος καὶ συμπληρούμενος // *Νεός Ἑλληνομνήμων*. Athens, 1916. Vol. 13. P. 321–328.
  37. Laurent V. Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. Paris, 1952.
  38. Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. Paris, 1981. Vol. II. L'administration centrale.
  39. Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1890. Vol. VI.
  40. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea.
  41. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1994. Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor.
  42. Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986.
  43. The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A.P. Kazdan. New York, Oxford, 1991. Vol. I–III.
  44. Schlumberger G. Sceaux byzantine inédits // *Revue des Études Grecques*. 1889. P. 245–259.
  45. Schlumberger G. Melanges d'archeologie byzantine. Monnaies, medailles, mereaux, jetons, amulettes, bulles d'or et de plomb, poids de verre et de bronze, ivoires, objets d'orfèvrerie, bagues, reliquiaires etc. Paris, 1895.
  46. Seibt W. Ein Blick in die byzantinische Gesellschaft; die Bleisiegel im Museum August Kestner. Rahden/Westf., 2011.
  47. Seibt W. Was lehren die Siegel uber die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? // *Зборник радова византолошки институт. Београд*, 2013. Кн. 50/1. С. 187–194.

48. Stavrakos Chr. Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museum Athen. Wien, 2000.
49. Stavrakos Chr. Sigillographische Beiträge zur Familie der Synadenoï // SBS. 2002. Vol. 7. P. 167–180.
50. Wassiliu A.-K., Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 2004. Teil II.
51. Wassiliu-Seibt A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. Wien, 2011. Teil 1.
52. Wassiliu-Seibt A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. Wien, 2015. Teil 2.
53. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1.
54. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in Nirth-Eastern Pontus // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 311–336.

REFERENCES

1. Alekseenko N.A. Pechati predstavitelej vizantijskoj aristokratii v Tavrike: novye personazhi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, Vol. XIV, pp. 417–424.
2. Alekseenko N.A., Tzepakov Yu.A. Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetelstva ili istoricheskie realii. *Khersonesskij sbornik*, Sevastopol, 2012, Vol. XVII, pp. 7–17.
3. Alekseenko N.A. *Vizantijskij Cherson VI–XIII stoletij v pamyatnikah sfragistiki. 1. Chinovniki Chersona VIII–XI vv.* Sevastopol, 2017.
4. Alekseenko N.A. Issledovateli XIX–XX vv. i zarozhdenie krymskoj sfragistiki: k voprosu o vizantijskoj administracii na Bospore. *Bosporskie issledovaniya*, Kerch, 2017, Vol. XXXV, pp. 229–239.
5. Alekseenko N.A. Pechat panipersevista Alekseya Vransy-Komnina iz vizantijskogo Chersona. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 537–546.
6. Bank A.V. Vislaja svincovaja pechat' XI–XII vv. *Materialy i issledovaniya po archeologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34, pp. 296–299.
7. Bulgakova V.A. Sigillograficheskij kompleks porta Sugdei (materialy podvodnyh issledovanij 2004–2005 gg.). *Sudakskij sbornik*, Kiev, Sudak, 2008, Vol. III, pp. 296–330.
8. Jordanov I. Pechatite na Arkadij strateg na Bospora (X–XI v.) iz Preslava. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. X Mezhdunarodnyj Vizantijskij Seminar (Sevastopol' – Balaklava 28.05–01.06.2018)*. *Materialy nauchnoj konferencii*, Sevastopol, Simferopol, 2018, pp. 87–90.
9. Kazhdan A.P. *Socialnyj sostav gosподstvuyushchego klassa v Vizantii XI–XII vv.* Moscow, 1974.
10. Krasnozhen M. Kommentarij Alekseya Aristina na kanonicheskij Sinopsis. *Vizantijskij vremennik*, St-Petersburg, 1913, T. XX, Vol. 1, pp. 189–207.
11. Litavrin G.G. *Bolgariya i Vizantiya v XI–XII vv.* Moscow, 1960.
12. Lihachev N.P. Molidovuly grecheskogo Vostoka. *Nauchnoe nasledie*, Moscow, 1991, Vol. 19.
13. Stepanenko V.P. Vizantiya i Krym v postfemnyj period (konec XI – XII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 713–720.
14. Stepanenko V.P. K strukture vizantijskogo pogranich'ya v Krymu. *Problemy istorii i arheologii Srednevekovogo Kryma. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 70-letiyu A.I. Ajbabina (Simferopol, 10–11.01.2019)*, Simferopol, 2019, pp. 111–112.
15. Stepanova E.V. Sudakskij arhiv pechatej: predvaritel'nye vyvody. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, Ekaterinburg, 2001, Vol. 32, pp. 97–108.
16. Stepanova E.V. Vizantijskie pechati, najdennye v Kerchi i na Tamanskom poluostrove, iz sobranija N.P. Lihacheva. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, Vol. XIII, pp. 364–374.
17. Stepanova E.V., Farbej A.M. Vizantijskie svincovye pechati, najdennye v Sudake v 2005 godu. *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture*, Kiev, Sudak, 2006, T. II, pp. 303–306.
18. Zuckerman C. Zakat vizantijskoj vlasti v Krymu: polemicheskij otklik. *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. XI Mezhdunarodnyj Vizantijskij Seminar (Sevastopol – Balaklava 3–7.06.2019)*. *Materialy nauchnoj konferencii*, Simferopol, 2019, pp. 237–244.

19. Chkhaidze V.N. Vizantijskaya vlast na Bospore (poslednyaya chetvert XI – nachalo XIII vv.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2018, Vol. XXIII, pp. 721–730.
20. Shandrovskaja V.S. Pechati predstavitelej roda Sinadinov v Jermitazhe. *Vizantijskij vremennik*, Moscow, 1990, T. 51, pp. 174–182.
21. Shandrovskaya V.S. Pechat' Ioanna Kontostefana Komnina. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1993, Vol. III, pp. 263–267.
22. Lemerle P., Guillou A., Svoronos N. (Eds.), *Actes de Lavra*, Vol. I, Paris, 1970.
23. Alforov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaia, in Oleksii Sheremetiev's Collection. *International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography «Sphragistic Meridian: Kiev – Korsun'/Xerson – Konstantinopolis» (Kiev, 13-16.09.2013). Program and Abstracts*. Kiev, Sevastopol, 2013, pp. 28–31.
24. Al'forov O. A Seal of Michael, Archon and Doux of Matracha and All Khazaia (in Oleksii Sheremetiev's Collection). *Byzantine and Rus' Seals. Proceeding of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography (Kiev, Ukraine, 13–16 Septembre 2013)*. Kyiv, 2015, pp. 97–104.
25. Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-CL. *Sceaux de la collection Ceorge Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève*. Genève, 2016.
26. Caseau B. Saint Mark, a family saint? The Iconography of the Xeroi Seals. Stavrakos Chr., Papadopoulou B. (Eds.), *Ἡπειρόνδε. Proceedings of the 10th International Symposium of Byzantine Sigilligraphy (Ioannina, 1–3 October 2009)*, Ioannina, 2011, pp. 81–110.
27. Cheynet J.-Cl. Les Xéroï, administrateurs de l'Empire. *Studies in Byzantine Sigillography*, Berlin, Boston, 2012, Vol. 11, pp. 1–34.
28. Cheynet J.-Cl., Gokyildirim T., Bulgurlu V. *Les sceaux byzantins du Musée archaéologique d'Istanbul*. Istanbul, 2012.
29. Darrouzès J. Notice sur Grégoire Antiochos (1160 à 1196). *Revue des Études Byzantines*, Paris, 1962, T. XX, pp. 61–92.
30. Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453*. München, 1995, Teil 2. Regesten von 1025–1204.
31. Gautier P. Le dossier d'un haut fonctionnaire d'Alexis Ier Comnène, Manuel Straboromanos. *Revue des Études Byzantines*, Paris, 1965, T. XXIII, pp. 168–204.
32. Grumel V. *Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople*. Paris, 1989, Vol. I. Les Actes des Patriarches. Fasc. II et III (705–1206).
33. Guiland R. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantine. L'orphantrophe. *Revue des Études Byzantines*, Paris, 1965, T. XXIII, pp. 205–221.
34. Guiland R. Les logothètes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantine. *Revue des Études Byzantines*, Paris, 1971, T. XXIX, pp. 5–115.
35. Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria*. Vol. III. Sofia, 2009.
36. Lampros Sp. Ὁ Ἰατὴρ τοῦ Μανουῆλ Κομνηνοῦ διορθούμενος καὶ συμπληρούμενος. *Νεὸς Ἑλληνομνήμων*, Athens, 1916, Vol. 13, pp. 321–328.
37. Laurent V. *Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan*. Paris, 1952.
38. Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin*. Paris, 1981. Vol. II: L'administration centrale.
39. Miklosich F., Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Vol. VI. Vindobonae, 1890.
40. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Washington, 1991. Vol. 1. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea.
41. Nesbitt J., Oikonomides N. *Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art*. Washington, 1994, Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor.
42. Oikonomides N. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. Washington, 1986.
43. Kazdan A.P. (Ed.), *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. I–III. New York, Oxford, 1991.

44. Schlumberger G. Sceaux byzantine inedits. *Revue des Études Grecques*, Paris, 1889, pp. 245–259.
45. Schlumberger G. *Melanges d'archeologie byzantine. Monnaies, medailles, mereaux, jetons, amulettes, bulles d'or et de plomb, poids de verre et de bronze, ivoires, objets d'orfèvrerie, bagues, reliquaires etc.* Paris, 1895.
46. Seibt W. *Ein Blick in die byzantinische Gesellschaft; die Bleisiegel im Museum August Kestner.* Rahden/Westf., 2011.
47. Seibt W. Was lehren die Siegel über die Verwaltung von Cherson im Mittelalter? *Zbornik radova vizantoloshki institut*, Beograd, 2013, Vol. 50/1, pp. 187–194.
48. Stavrakos Chr. *Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museum Athen.* Wien, 2000.
49. Stavrakos Chr. Sigillographische Beiträge zur Familie der Synadenoï. *Studies in Byzantine Sigillography*, Washington, 2002, Vol. 7, pp. 167–180.
50. Wassiliu A.-K., Seibt W. *Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich.* Wien, 2004. Teil II.
51. Wassiliu-Seibt A.-K. *Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden.* Wien, 2011. Teil 1.
52. Wassiliu-Seibt A.-K. *Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden.* Wien, 2015. Teil 2.
53. Zacos G., Veglery A. *Byzantine Lead Seals.* Basel, 1972. Vol. 1.
54. Zuckerman C. The End of Byzantine Rule in Nirth-Eastern Pontus. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2017, Vol. XXII, pp. 311–336.

N. A. ALEKSEENKO

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

THE TWELFTH-CENTURY STATE MACHINERY OF BYZANTIUM: THE EMPIRE OF “VENERABLE” NOBLES ACCORDING TO SIGILLOGRAPHIC DATA

Abstract: The twelfth-century Byzantine *molybdoboulla* indicate that the empire’s government system came through important reform. It concerns both provincial administrations and central authorities. In provinces, there still existed representatives of the first rank category, the *doukes*, later replaced by *praitores*. The officials of the second rank category became rather rare in the imperial practice. It was the period when almost all the seals of officials of the *megalos logothetos* department or ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν, and also of many other imperial departments, disappeared. There continued only a few positions (*anagrapheuses* and, rarely, *kritai*). Moreover, the seals from the period in question feature a big group of persons, but do not indicate their official duties. As far as one can see from the *molybdoboulla* of this category, in the said period the state was governed by numerous *sebastoi*, *kouropalatai*, and *nobelissimoi* from emperor’s relatives or close aristocratic families (Komnenoi, Doukai, Angeloi, and others), and also by poorly known persons, whose origin, according to the family names, was related from provinces (Amastris, Cappadocia, and others). By all appearances, the empire still kept some bureaucratic form, now not of traditional centralised government but oriented to the imperial nobles and provincial elites. In this connection, the disappearance ca. 1100 of the seals of provincial administrators in most Byzantine regions (Taurica in particular) does not seem to indicate the absence of imperial government at the local level. Perhaps the Byzantine government changed, so the main role in strategic, administrative, and economic spheres, such as financial control and state treasury, came to the *basileus*’ retinue of high-ranked courtiers in the capital and aristocrats in provinces.

Key words: Byzantine history, central and provincial administrations, sigillography, seals, *molybdoboulla*.